

С пенсионки баба Тася перво-наперво брала пол-литра водки и серый зельц. И уже потом — пару пачек растительного сала, минтай и другие “деликатесы”, а картошка, капуста, помидоришки, выжившие в озверевших сорняках огорода, давали половину основы питания. Табак баба Тася курила самый дешёвый. Он был крепок, малодымен, плохо насыщал душу, поэтому курить его приходилось часто.

Последние две зимы баба Тася жила одна и была полновластной хозяйкой ветхой избы, которая стремительно уходила в небытие. Многие избы, что были покрепче, и то смыло время. И всё примерно так, как у Шуры Гайнулиной. Сама умерла, сыновья — и старший, и младший — по тюрьмам сидят. А дальше сломали замки, развалили печь, выбили рамы, сорвали полы, разрушили стены, завалили мусором из больницы. Санитарки выбросили пару анатомированных собак с перевязанными бинтами лапами. Нижние Заречные снесли как-то враз и чисто. Всем дали новые квартиры в панельных домах и общежитиях-“семейках”. Провели центральную теплотрассу. Там, где кипела весь советский период жизнь, всё стало исчезать из памяти вместе с вопросом: “А были вы? А жили вы?” И ответом: “И не были! И не жили!”

Баба Тася открывала свои многолетние тайны сестре Анне. Говорила о своём последнем муже, Володеньке. Он у неё и в тюрьму не садился, и мастера не порубил, а просто бросил её тогда в Рубцовске. Рассказала про соседа Фёдора и про не любившую его тёщу, которая ненавидела его и бабу

Тасю за то, что Фёдор заходил к ней и они вместе выпивали. Как-то баба Тася стала худеть и терять силы, всё поговаривая: “Я ем, а меня еда ест”. Мать девахи, которая в то время жила у Таси, заметила такое дело и сказала, что её “скурочили”, обещала поправить. И поправила молитвами да оберегом, который заставила носить при себе.

Однажды тёща Фёдора, копаясь в огороде, на котором не было избы, увидела Тасю и сказала ей:

— Смотри-ка, ещё жива!

— Да, вот живу, — смиренно ответила баба Тася.

— А я ведь тебе на год делала, — зло заявила тёща Фёдора.

И баба Тася вспомнила золу, насыпанную у крыльца, при выходе из латки и в огороде.

Фёдор, приходивший совместно распить бутылку водки, хмелея, пел песни, а однажды, озверев, с пеной у рта нещадно изломал бабу Тасю и немедленно ушёл. Она обо всём мужественно молчала. И только когда не стало тётчи и затерялся Фёдор, проговорилась Тася о последней тайне, которая душила её. Это было и последнее лето её жизни.

Первые две недели сентября последнего в жизни бабы Таси года были сырыми и холодными. Уже не пойдёшь по-летнему в пиджачке, надевай свитер да плащ, лёгкое пальто да кофту. В пятницу второй недели сентября баба Тася ходила в продуктовый магазин “Русское поле” за суповым набором. Там и увидела свою родственницу Степаниду Бударину, тётку по третьей линии родства, ровесницу своего поколения. Тётка Степанида сообщила, что сын Юрка умер от сердечной недостаточности год назад, пригласила в субботу приходиться помянуть страдальца. Вы думаете, баба Тася отказалась? Да ничуть! Наоборот, позаботилась прийти пораньше, да и другие лица, которых позвали, никогда не опаздывали, а приходили, как и баба Тася, пораньше и ждали. Так как покойный Юрка жил с матерью Степанидой на первом этаже в однокомнатной квартире, то ждали на лавках во дворе, где накрапывал дождь и было холодновато. Баба Тася, ожидая приглашения к столу, не на шутку перемерзла и была уже не рада ничему. Хотела пойти на проспект да погреться в продуктовом магазине, но, наконец, позвали к столу.

Воскресным вечером приходил племянник Артемий с Гришей Тимофенко, с которым вместе учились в далёком детстве. Гриша переживал каприз нынешней своей сожительницы, а так как у неё в настоящее время обитали только что освободившиеся братья-“тюремщики”, жить стало совсем невмоготу. Артемий упросил бабу Тасю оставить переночевать Григория, обещая вино и хорошую закуску.

В понедельник баба Тася заболела основательно. Ходила к ней жена Артемия, ходила его мать. Баба Тася говорила сестре, что теперь уже не до выздоровления, говорила, что раньше, сколько ни болела, да не так тяжело. Приходила врач, признала двухстороннее воспаление лёгких, но даже в больницу не отправила. Артемий решил попроведывать тётку по окончании рабочей недели. Он рассудил, что да, тётка болеет, кашляет, но ведь к больной ходят: протапливают печь, предлагают горячую пищу. Да и сама больная не хотела умирать внезапно: надо, на худой случай, недельку поболеть.

В четверг перед обедом на территории базы, где работал Артемий, появилась его жена. Артемий понял, в чём дело. На это время душа у него сразу ослабла, стала как у ребёнка от мысли о смерти.

— Что, умерла? — спросил он жену.

— Да, умерла, — ответила она.

Артемию хотелось по первому чувству побежать, засуетиться, дескать, помогите моему горю. Но голос в пространстве сказал: “У всех умирают, все хоронят и не кричат”. Это успокоило Артемия, и он, предупредив начальство и взяв отпуск на два дня, поехал с женой на Заречную.

В избушке на Заречной было тепло и уютно и как-то приятно по приходу с улицы, где сыплет дождь, осенние просветлённые лужицы и бедная смиренная красота. Скончалась баба Тася под утро, незадолго до прихода сестры. Когда сестра трогала, тормошила с вопросом — жива ли, мёртвая, — постель была ещё тёплой. Сестра ещё с вечера собиралась остаться с боль-

ной на ночь, но та стала отговаривать, мол, если умрёт, то что сестра ночью делать станет. Попросила только оставить открытой дверь.

Когда пришёл Артемий, соседки уже обмыли покойницу, одели в чистое, бедное, уложили на лавку. Казалось, что это не баба Тася, а причёсанная школьница, собравшаяся учиться жить по-новому. Артемий чуть всплакнул от мысли, что мало пожила баба Тася полноправной хозяйкой в этой ветхой избушке. Обмерив клеёнчатым метром покойницу, поехал к столяру, рядом с которым трудился, заказывать домовину. Доски просить не стали, а просто пошли со столяром к котельной, которая не работала, а угольный склад около неё был огорожен фрагментами забора. Его расхищали на мелкие нужды с тех пор, как перешли на центральное отопление. За наружной частью забора давили бездомных собак — на унты. То тут, то там валялись ободранные мумии. Доски от забора, прослужившие не менее полутора десятков лет, были серенькие, прокалённые солнцем. Домовина получилась мировая. Только вот Артемий размер взял с запасом, да и столяр дал прибавку, в итоге получилась широкая коротышка. Артемий рассчитался со столяром, попросил своего начальника отвезти домовину. Тот до самого вечера ходил по своим делам, а когда стало совсем темно, собрался ехать на своём прорабском грузовичке. Не было креста. Артемий просил выписать немного бруса, но завскладом объяснила, что лес на сторону не выписывают и даже не продают. Ещё за дерзкое хищение досок с забора мастеру не поздоровится.

Гроб и вправду оказался очень широким, необходимо было сужать, стёсывать с основного массива немалую часть. Но стало темно, и пошёл дождь, решили привести в порядок рано утром и заодно смастерить крест.

Делать крест Артемий пошёл в столярку областного худфонда, что на главном проспекте. Там была и древесина кедровой сосны — брус, толстые плахи значительной ширины. В столярной мастерской работали резчики, багетчики, рамщики. В то утро на месте находилось трое. Договорились: каждому по пол-литра водки с закуской. Послали в спецмагазин Артемия. За время, что ушло на стояние в очереди, благодетели спроворили крест — точную копию креста, на котором страдал Спаситель, а не какую-нибудь крест-часовенку. Артемий поднял крест. Он был немного легче кислородного баллона, а кислородный баллон в армии он всегда носил сам и никого не просил в помощники. Крест с проспекта на Заречную решил донести тоже сам, потихоньку, с передыхом. Бесплатно никто не повезёт. А деньги остались очень небольшие: на катафалк да на поминки. С тем и вышел, пересекая полотно проспекта. Подул ветер с мокрой сыпью, крест, обёрнутый плотной бумагой, превратился в парус. Артемия водило из стороны в сторону. Сердце сильно стучало. Бумага, державшаяся на канцелярских кнопках, сорвалась крупными клочьями и уже не скрывала столь необычную ношу.

После обеда приехали сестры из Курагино, Нина и Зоя, по сластолюбию отца — с большим перерывом в возрасте: последняя моложе старшей сестры где-то лет на сорок. Курагинские привезли мёд, рыбу — крупного хариуса и озёрного линя. Спросили мясорубку накрутить мясо на фарш.

Сосед, шофёр Володя, договорился с машиной. Галя Шакулова твёрдо пообещала послать своих застоявшихся мужчин с утра копать могилу.

Ко дню похорон баба Тася свяла, как без воды полевой цветок, и Артемий молил хоть что-нибудь довести до погребения. Установилась тёплая — прощальной осени — погода.

— Место хорошее. Какой простор, — велух сказала сестра Зоя, что на десять лет была моложе сестры Таси.

На сорок дней баба Тася предстала перед племянником Артемием, которого больше всех любила, в холодном водянистом эфире с такой пронзительной ясностью, которой никогда не было при её земной жизни. Она ничего не говорила, а только виделась.

— Ты чего здесь? — буднично спросил Артемий. — Мы ведь тебя похоронили. Как-то неудобно ходить к нам, маячить.

Видение исчезло. Избушку после сорока дней заняла дочь соседки с мужем. Соседка эта хорошо помогла на похоронах.

Пршло лет десять. Ниже по остаткам Первой Заречной начали строить добротные дома. На остатках Второй, что была ближе к забору областной больницы, всё хирело и ничего не возводилось. Только множились металлические гаражи, поставленные владельцами машин незаконно, нахально. В этих глухих местах вели себя, как дома, бродяги, наркоманы, выдирая всё огородное, выскивая незрелые головки мака. Дочь соседки уже в избе не жила. У неё ночью с перепоя не проснулся муж, а саму позднее забил зек-житель. Так и лежала мёртвая между грядок.

Артемию, племяннику бабы Таси, интересно было бы узнать, что снится по ночам олигархам, когда их мозги не в своей воле. Ведь всего у них в достатке: и детишкам на молочишко, и барбекю на земельных полянах, и бабья при саунах и бассейнах. Но не видел он их, олигархов, не вышло спрашивать.

Одно дело — воцерковлённый народ. Там свет, бессмертное начальство, заслужившее свой чин духовными подвигами, там не речное течение жизни, а океан непреходящий. Кто это понимает, не станет завидовать толстосумам. Много нужно трудов, чтобы быть в этой единой семье, чтобы с упоением в душе перекреститься. И невольно скажешь: “Научи меня, Боже, молиться, научи Тебя, Боже, любить!”

Другое дело — Артемий. Всегда перед получкой, когда живёшь на копеечном существовании, когда грызёт нужда, снится работа грязная, неинтересная. Снятся по ночам ветхие избы, по которым плутает он из комнаты в комнату, из убогости в убогость, опасаясь быть захваченным хозяевами. В одном из печальных повторений этих снов и уж точно перед получкой Артемию привиделось погребное кладбищенское существование. И никаким здесь пляжем и не пахло, а люди бродили в непроглядной ночной темноте. Артемий признал бабу Тасю по тихому свету её лица. Она сказала, что все ищут своих, о ком вспоминают. На вопрос Артемия о том, как ей здесь живётся, она поведала, что приставлена к детям на послушание и нет никакого послабления от мучений.

— Было бы легче, если бы Емелька Пугачёв помогал, а не бунтовал и не смущал людей разбойничать.

— А царство Божие не открывалось? — полубоштыствовал Артемий.

— Нет, — ответила баба Тася. — Редко, когда ангел пролетит высоко-высоко, вроде светлее станет. Я тебя попрошу, Артемий, молись за меня. Я ведь тебя всю жизнь любила. Молись!

И опять во время очередного беспокойства от неопределённости при задержании получки Артемию предстала Вторая Заречная. Идёт он по Заречной, где гаражи да редкие уцелевшие избы в непролазном снегу, сугробы сахалинские. Видит соседа Володю и просит у него лопату. Сосед молча принёс лопату, и Артемий по крепкому снегу прошёл до многострадальной избы — избы бабы Таси. Раскопал вход и, так как дверь была не на замке, вошёл в избу. В избе, судя по кружкам плиты, топились печь, морщинистые стены и потолок покрыты свежим набелом. На сундуке сидела чистая и спокойная баба Тася, будто школьница, готовая к познанию новой жизни. И не хотелось ни спрашивать, ни вспоминать, ни говорить. И хотя окна избы залеплены снегом, в комнате достаточно светло. Артемий зашёл в комнату и увидел под потолком узкую во всю стену щель от того, что где-то ещё держалось, а где-то осело от ветхости, от времени. Из щели исходила такая глубокая всечеловеческая лазурь, что у Артемия задрожали губы, и он заплакал. Только тогда баба Тася молвила: “Это ты отмолил мне у Бога благодать, племянничек”.